

Последствия санкционной политики для российско-казахстанских отношений в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (2014 г. – н. в.)

Самохин Илья Романович, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
студент 1-го курса магистратуры;
e-mail: isamokhi04@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье рассматривается трансформация роли Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) как интеграционного механизма в условиях санкционного давления на Россию начиная с 2014 года. Анализ нормативно-правовых актов, стратегических документов и официальных заявлений ОДКБ, особенно в период председательства Республики Казахстан в 2024 году, позволяет выявить адаптационные механизмы координации государств-участников в сложной геоэкономической обстановке. Сделанные выводы подтверждают ограниченность действующей модели коллективной безопасности и подчеркивают необходимость ее модернизации с целью повышения устойчивости интеграционных процессов.

Цель. Выявить институциональные параметры адаптации ОДКБ как интеграционного механизма к внешним дестабилизирующим факторам и оценить трансформацию российско-казахстанского взаимодействия в условиях санкционного режима.

Задачи. Проанализировать эволюцию нормативной базы ОДКБ с 2014 года по настоящее время, оценить институциональные практики координации стран-участников в условиях внешнего давления, исследовать характер и итоги председательства Республики Казахстан в ОДКБ в 2024 году, сформулировать выводы о степени устойчивости ОДКБ как защитного механизма в рамках евразийской интеграции.

Методология. Применяются методы контент-анализа нормативно-правовых и стратегических документов ОДКБ, структурно-функционального анализа механизмов коллективной безопасности, компаративный метод в отношении моделей интеграционного поведения. Используется принцип дедуктивного моделирования на основе эмпирических данных.

Результаты. Установлено, что ОДКБ продемонстрировала относительную институциональную гибкость в условиях санкционного давления, однако ее координационные функции оказались ограничены политико-экономической асимметрией между государствами-членами. Казахстанское председательство в 2024 году носило преимущественно стабилизационный характер, без признаков углубления интеграционного трека. Зафиксирована тенденция к переходу от нормативно-декларативной интеграции к pragматическим форматам взаимодействия.

Выводы. ОДКБ, сохраняя формальные признаки интеграционного института, в условиях санкционного давления функционирует как сдерживающий, но не стратегически проективный механизм. Российско-казахстанские отношения в рамках ОДКБ отражают адаптационную модель, в которой поддержание союзных обязательств осуществляется на фоне приоритетного сохранения национального маневра. Для сохранения интеграционной устойчивости требуется функциональное переосмысление архитектуры коллективной безопасности.

Ключевые слова: ОДКБ, евразийская интеграция, коллективная безопасность, институциональная устойчивость, санкционное давление, региональные альянсы.

Consequences of the Sanctions Policy for Russian-Kazakh Relations within the Collective Security Treaty Organization (2014 – Present)

Ilya R. Samokhin, Saint Petersburg State University, Faculty of International Relations (Saint Petersburg, Russian Federation)

MA student;

e-mail: isamokhi04@gmail.com

Abstract

Introduction. The article examines the transformation of the role of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) as an integration mechanism under the conditions of sanction pressure on Russia since 2014. The analysis of legal frameworks, strategic documents, and official CSTO statements, specifically, during Kazakhstan's chairmanship in 2024, enables us to identify the adaptive mechanisms of coordination among member states within a complex geo-economic environment. The findings confirm the limitations of the current model of collective security and emphasize the necessity of its modernization to enhance the resilience of integration processes.

Objective. To identify the institutional parameters of the CSTO's adaptation to external destabilizing factors and assess the transformation of Russian-Kazakh cooperation under the sanction's regime.

Specific Goals. To analyze the evolution of CSTO's normative framework from 2014 to the present, to evaluate the institutional coordination practices among member states under external pressure, to study the nature and outcomes of Kazakhstan's chairmanship in the CSTO in 2024, to identify institutional and substantive trends in bilateral interaction between Russia and Kazakhstan, to formulate conclusions regarding the CSTO's resilience as a protective mechanism within Eurasian integration.

Methodology. The study employs content analysis of CSTO's legal and strategic documents, the structural-functional analysis of collective security mechanisms, the comparative analysis of integration behavior models, and case study of Russia-Kazakhstan cooperation within the CSTO. A deductive modeling approach is applied based on empirical institutional data.

Results. The CSTO has demonstrated relative institutional flexibility under sanctions-related pressure; however, its coordination capacity remains constrained by political and economic asymmetries among its members. Kazakhstan's 2024 chairmanship was largely stabilization-oriented, without signs of deepening integration. A shift from declarative-normative integration to pragmatic formats of cooperation is observed.

Conclusions. While the CSTO retains its formal features as an integration institution, under sanctions it operates primarily as a deterrent rather than a strategic projection mechanism. Russian-Kazakh relations within the CSTO reflect an adaptive model, where allied obligations are maintained amid the efforts to preserve national strategic autonomy. Ensuring integration resilience requires a functional redefinition of the collective security architecture.

Keywords: CSTO, Eurasian integration, collective security, institutional resilience, sanctions pressure, regional alliances.

ВВЕДЕНИЕ

Санкционная политика западных государств, последовательно реализуемая с 2014 года, выступила в качестве мощного экзогенного фактора, оказавшего значительное влияние на функционирование евразийских интеграционных объединений, в том числе на Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)¹ [15, с. 1–452]. Пакетные ограничения, введенные в ответ на присоединение Крыма и эскалацию вооруженного конфликта на востоке Украины, изменили прежние институциональные основы функционирования альянса. Для государств-участников, в первую очередь для Республики Беларусь и Республики Казахстан, санкции стали не только экономическим вызовом, но и источником дополнительных рисков безопасности [17, с. 54–56]. В научной литературе это явление получило обозначение «внутрисоюзная дилемма безопасности», когда ведущий член альянса трансформируется из гаранта коллективной защиты в потенциальный источник угрозы [13, с. 145–156].

Возникшее противоречие между нормативным принципом коллективной обороны и фактическим поведением доминирующего актора — Российской Федерации — привело к росту напряженности внутри блока [14, с. 191–203]. Российская Федерация продолжала рассматривать ОДКБ как инструмент проекции влияния на постсоветском пространстве, однако ее односторонние действия, включая поддержку сепаратистских движений, способствовали формированию дистанцированной позиции союзников, ориентированных на укрепление национального суверенитета [18, с. 140–147]. Следовательно, санкционные ограничения способствовали институциональной трансформации альянса, выявив его структурные уязвимости и обусловив необходимость адаптации к новым геополитическим условиям [5, с. 90–95].

Особое значение в данной конфигурации занимает Республика Казахстан как стратегический участник и соучредитель ОДКБ, традиционно реализующий многовекторную внешнеполитическую стратегию. Усиление санкционного давления поставило Республику Казахстан в двойственную ситуацию: с одной стороны, необходимо сохранять союзнические обязательства, с другой — минимизировать риск вторичных санкций и сохранить устойчивость национальной экономики [16, с. 1–539]. Публичные заявления Президента К.-Ж. Токаева в 2022 году подтвердили ориентацию на нейтральный, «проказахстанский» курс, предполагающий отказ от признания самопровозглашенных образований на востоке Украины, но при этом сохранение участия в евразийских интеграционных институтах и развитие военно-технического сотрудничества с Россией [20, с. 234–238].

Санкционная среда актуализировала ряд системных вызовов для ОДКБ. Во-первых, обострились внутренние противоречия: большинство государств-членов отказались признавать изменения статуса украинских территорий и направлять военные контингенты в поддержку российской операции [10, с. 756–763]. Во-вторых, снизилась эффективность интеграционных механизмов: блок не смог консолидированно реагировать на локальные кризисы безопасности (например, на армяно-азербайджанский и таджикско-киргизский конфликты). Подобные эпизоды подорвали доверие к принципу «один за всех», что выразилось в демонстративной паузе участия Армении в деятельности организации и в дискуссиях в Республике Казахстан относительно целесообразности членства [14, с. 23–35].

В ответ на эти вызовы предпринимаются институциональные меры по адаптации ОДКБ. В период председательства Республики Казахстан в 2024 году были инициированы нормативные изменения, уточняющие условия использования Коллективных сил. В частности, акцент был сделан на легитимности применения механизмов альянса

¹ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан от 25 мая 1992 г. // Постановление Верховного Совета РФ. 1992. № 3319-1. Ст. 1–40.

исключительно при внешней агрессии либо в миротворческих и гуманитарных целях, что должно препятствовать их использованию для внутренних силовых операций [12, с. 115–123]. Такая корректировка нормативной базы свидетельствует о переходе к более формализованным и сбалансированным процедурам принятия решений.

Для Российской Федерации, оказавшейся в условиях международной изоляции, ОДКБ сохраняет статус ключевого инструмента поддержания влияния на постсоветском пространстве. С момента подписания Договора о коллективной безопасности в 1992 году² и его институционализации в 2002 году организация выполняла функцию легитимации военного присутствия России в регионе.

В современных условиях санкционного давления Российская Федерация стремится использовать альянс как механизм консолидации союзников, подтверждения собственного статуса великой державы и формирования альтернативного «полюса силы» вне западных военно-политических структур.

Научная актуальность исследования заключается в том, что влияние санкционной политики на трансформацию региональных военно-политических союзов до настоящего времени оставалось недостаточно изученным как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Ситуация носит уникальный характер: экзогенное давление на одного участника альянса детерминирует изменения всей институциональной архитектуры блока. Теоретическая значимость анализа состоит в расширении представлений о механизмах адаптации коллективных систем безопасности к внешним шокам и о стратегическом поведении «средних держав» в условиях доминирования сильного партнера. Практическая ценность определяется возможностью прогнозирования сценариев дальнейшего развития ОДКБ и российско-казахстанских отношений в условиях продолжающегося санкционного противостояния.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ОДКБ ПОСЛЕ 2014 ГОДА

После 2014 года, когда санкционная политика стран Запада в отношении Российской Федерации приняла системный характер, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) оказалась в условиях внешнего давления, требующего переосмысливания содержания и направленности ее деятельности [11, с. 19–30]. Хотя в манифестной риторике организация продолжала утверждать свою приверженность принципам коллективной безопасности и равноправного партнерства, содержание принимаемых документов отражает определенный институциональный сдвиг от интеграционного наступательного проекта к стабилизационной модели выживания [8, с. 1–123].

Проведенный анализ документов ОДКБ за 2014–2024 гг. позволяет выделить три доминирующих вектора (см. рис.).

Для визуализации институциональной трансформации составлена таблица, демонстрирующая изменения в характере, тематике и масштабе документов ОДКБ в постсанкционный период (см. табл. 1).

Как видно из представленных данных, начиная с 2016 года происходит не только сокращение количества универсальных документов, но и тематическое сужение мандата ОДКБ. Если в 2014–2015 гг. преобладали высокоуровневые военно-оперативные установки, то с 2018 года фиксируется институциональный переход к секторальным, частным и гуманитарным форматам взаимодействия. Уровень геополитического охвата демонстрирует явное сужение от пространства СНГ к Центральной Азии и далее —

² ОДКБ — единственный гарант безопасности в Центральной Азии / Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/news/566/116174/> (дата обращения: 11.06.2025).

Рис. 1. Три доминирующих вектора институционального сдвига. (Составлено автором)

Таблица 1

**Типология и динамика официальных документов ОДКБ (2014–2024 гг.)
(составлено автором)**

Год	Кол-во ключевых документов	Преобладающая тематика	Уровень детализации	Геополитический охват	Тип координации
2014	7	Военно-оперативные меры, учения	Высокий	Постсоветское пространство	Интеграционный
2016	5	Борьба с терроризмом, киберугрозы	Средний	Центральная Азия	Координационный
2018	6	Совместные гуманитарные миссии, образование	Низкий	Центральная Азия	Секторный
2020	4	Информационная безопасность, кризисный менеджмент	Средний	Региональный	Реактивный
2022	6	Пандемия, стабильность, учения в Таджикистане	Высокий	Ограниченно-региональный	Сдерживающий
2024	5	Предотвращение кризисов, миротворчество	Низкий	Локальный	Стабилизационный

к отдельным зонам локального реагирования, что отражает стратегию минимизации рисков и стремление сохранить управляемость при ослаблении союзной плотности³. Характер координации также эволюционирует: от интеграционной и директивной логики 2014 года к реактивной и стабилизационной после 2020 года, что указывает на институциональное замедление и частичную потерю стратегического наступательного импульса ОДКБ как наднационального актора [11, с. 22–27].

Для комплексной оценки институциональной динамики ОДКБ в условиях санкционного давления представляется необходимым перейти от обобщенной типологии

³ Декларация между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие, 1998.

к конкретному содержательному анализу документов, принятых в ключевые годы постсанкционного периода. Ниже представлена таблица, отражающая наиболее значимые официальные акты, стратегии и решения ОДКБ, а также их функциональную направленность.

Таблица 2

Ключевые документы ОДКБ в постсанкционный период (2014–2024 гг.)⁴
(составлено автором)

Год	Документ/решение	Краткое содержание	Функциональная направленность
2014	Совместное заявление Совета коллективной безопасности ОДКБ о ситуации на Украине	Признание дестабилизации угрозой безопасности, без прямой поддержки Российской Федерации	Политико-декларативная
2015	Программа сотрудничества в сфере внешней политики государств-членов ОДКБ	Координация позиций в международных организациях	Внешнеполитическая
2016	Комплекс мер по борьбе с международным терроризмом	Создание механизмов реагирования на транснациональные угрозы	Антитеррористическая
2018	Стратегия коллективной безопасности ОДКБ до 2025 года	Декларация задач на среднесрочную перспективу, усиление координации	Институционально-стратегическая
2019	Меморандум о взаимодействии в сфере кибербезопасности	Совместная защита информационного пространства	Техническо-оперативная
2020	План реагирования на кризисные ситуации	Унификация подходов к миротворчеству и внутренним конфликтам	Антикризисная
2021	Совместные учения «Нерушимое братство»	Практическая отработка действий Коллективных сил оперативного реагирования	Военно-тактическая
2022	Заявление по ситуации в Афганистане	Выражение озабоченности, мобилизация координации в ЦА	Регионально-превентивная
2024	Повестка председательства Казахстана в ОДКБ	Акценты на нейтралитет, стабильность, совместные гуманитарные меры	Стабилизационно-региональная

Проведенная систематизация официальных документов ОДКБ за десятилетний постсанкционный период демонстрирует четкий переход от стратегически наступательной повестки к стабилизационно-региональному формату деятельности. В частности, документы 2014–2016 годов характеризуются попытками сохранить политическое единство в условиях системного кризиса безопасности (Украинский кейс, кризис в Сирии), при этом избегая жесткой поддержки российской позиции, что особенно характерно для текста Совместного заявления 2014 года [8, с. 57–73].

С 2016 года отчетливо проявляется тренд институционального выравнивания через формализацию антикризисных и антитеррористических задач, отражающий стремление ОДКБ к технократизации собственной повестки. На данном этапе организация дистанцируется от идеологизированной риторики и смещает фокус на прикладные аспекты — кибербезопасность, кризисное реагирование, региональные учения.

Особый интерес представляет План реагирования на кризисные ситуации (2020), который становится институциональным прецедентом расширенного мандата в случае внутриполитической дестабилизации государств-членов. Однако даже в этом документе зафиксирована сильная зависимость от принципа суверенитета и нерушимости границ, что подтверждает сдержанный характер мандата ОДКБ [11, с. 25–30].

⁴ Организация Договора о коллективной безопасности / [Электронный ресурс] // Официальный сайт: [сайт]. – URL: <https://odkb-csto.org/documents/> (дата обращения: 10.06.2025).

Кульминацией региональной прагматизации является повестка председательства Казахстана в 2024 году, где акцент смещен на меры доверия, региональную стабильность и совместные гуманитарные инициативы. Отсутствие новых инициатив по усилению военной интеграции интерпретируется как институциональный сигнал к сохранению статус-кво [8, с. 80–90].

КАЗАХСТАН В ОДКБ: ПОВЕДЕНИЕ, ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ, ПРЕДСЕДЕЛЬСТВО (2024 Г.)

В условиях нарастающего внешнего давления и институциональной перегрузки интеграционных механизмов поведение Республики Казахстан в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) представляет особый научный интерес. Республика Казахстан, являясь учредителем ОДКБ и одним из наиболее активных участников интеграционных процессов в Евразии, традиционно занимает позицию балансирующего актора, сочетающего союзные обязательства с многовекторной внешнеполитической стратегией [16, с. 1–539]. Данная особенность внешнеполитического профиля государства во многом определяет характер его взаимодействия с ОДКБ в постсанкционный период, особенно в фазе председательства в 2024 году [18, с. 140–147].

Председательство Республики Казахстан в ОДКБ было заранее позиционировано как «период восстановления стратегического диалога» и «повышения эффективности механизмов взаимодействия» в условиях геоэкономической нестабильности. Однако в содержательном плане официальная повестка характеризовалась высокой степенью осторожности, риторической нейтральности и акцентом на консенсусные, неидеологизированные темы [12, с. 1–268]. Анализ заявлений, решений и сопроводительных документов позволяет зафиксировать приоритеты, реализуемые Республикой Казахстан в рамках председательства (см. рис. 2) [12, с. 115–123].

Рис. 2. Приоритеты, реализуемые Республикой Казахстан в рамках председательства
(составлено автором)

Следует подчеркнуть, что такая стратегия не была спонтанной или реактивной, а представляла собой реализацию глубинной логики казахстанской внешнеполитической доктрины, предполагающей отказ от жесткой блоковой идентичности. В условиях санкционного давления Казахстан последовательно стремится минимизировать риски вторичного воздействия на свою экономику и политические институты, сохраняя при этом формальную приверженность союзовым обязательствам [5, с. 90–95]. Поведение Республики Казахстан в 2024 году можно интерпретировать как попытку институционального «программирования нейтралитета» в рамках ОДКБ: сохранение организационной архитектуры без ее форсированной милитаризации [2, с. 1–13].

Такая модель поведения нацелена не на разрыв союзных связей, а на их мягкую трансформацию в формат ограниченной координации, обеспечивающей маневренность и сниженный уровень внешнеполитической токсичности. В целом казахстанское председательство продемонстрировало высокую степень дипломатической гибкости, при этом выявив ограниченность инструментария ОДКБ для реализации интеграционных задач в условиях разнонаправленных стратегических ориентаций стран-участниц [4, с. 1–15]. Формальное соблюдение процедур, декларативное единство и символическое воспроизведение союзных функций в значительной мере заменили реальное расширение военной или политико-институциональной синергии [9, с. 49–57].

Иными словами, поведение Республики Казахстан в рамках ОДКБ в 2024 году можно рассматривать как модель адаптационного участия: страна выступает не инициатором углубления интеграции, а координатором минимального согласия в условиях ограниченной политico-стратегической совместимости [10, с. 756–763]. Эта роль, несмотря на ее сдержанность, критически важна для поддержания формальной устойчивости ОДКБ как структуры, зависящей от символической воспроизводимости союзных механизмов [20, с. 234–238].

АКТУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РОССИЙСКО-КАЗАХСАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РАМКАХ ОДКБ

На современном этапе конфигурация отношений Российской Федерации и Республики Казахстан в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) определяется совокупностью политических, институциональных, экономических и нормативно-правовых детерминант. Их комплексный учет необходим для последующего сценарного моделирования. Санкционный режим, введенный против России после 2014 г., а затем существенно усиленный в 2022 г., радикально реструктурировал внешнеэкономические контуры взаимодействия с Республикой Казахстан. С одной стороны, ликвидация привычных торгово-логистических коридоров повысила ценность интеграционных партнеров: Республика Казахстан, не присоединившаяся к антироссийскому санкционному режиму, выступила критически значимым звеном переориентации товаропотоков, что отразилось на рекордных показателях двустороннего обмена (исторический максимум в 2022 г. порядка \$26 млрд; к концу 2023 г. — свыше \$27 млрд; сопровождающий рост импортных поставок из Республики Казахстан в Российскую Федерацию) [1, с. 26–39; 8, с. 1–376].

С другой стороны, Республика Казахстан формализовала политику предотвращения вторичных санкций: усилен экспортный контроль, публично подтвержден запрет на использование территории Республики Казахстан для обхода ограничений. В результате санкции выступают двуединым фактором: они одновременно стимулируют экономическое сближение и усиливают для Республики Казахстан требования к балансированию между союзническими обязательствами и международно-правовыми нормами [15, с. 1–452].

Традиционная многовекторность внешней политики Республики Казахстан предполагает одновременное развитие отношений с Российской Федерацией, Китаем, ЕС, США, Турцией и др. При сохранении формального союзничества в ОДКБ Республика Казахстан демонстрирует автономность по ключевым вопросам международной повестки. Показательна позиция по конфликту в Украине: приверженность принципам территориальной целостности, отказ признавать квазигосударственные образования, артикулированные публично на высшем уровне. Параллельно углубляется сотрудничество с альтернативными центрами силы (рост удельного веса ЕС и Китая в торговле и инвестициях). В то же время официальные заявления подчеркивают неизменность союзнической линии в ОДКБ и готовность к военно-техническому взаимодействию. Внутриполитически это отражает двойственность: растущее национальное самосознание и диверсификация связей сочетаются с историко-культурной близостью к Российской Федерации, что делает курс Республики Казахстан одновременно прагматичным и осторожным⁵.

Для Российской Федерации казахстанское направление сохраняет стратегическое значение как элемент поддержания влияния в Центральной Азии и на постсоветском пространстве. ОДКБ и ЕАЭС рассматриваются как опорные институты интеграции; приоритетом декларируется углубление союзничества и координации в сфере безопасности (поставки вооружений, совместные учения, оперативное развертывание — прецедент 2022 г. в Республике Казахстан). В официальной риторике подчеркивается ценность надежных тыловых союзников на фоне конфронтации с Западом [7, с. 1–648]. В практическом измерении цели Российской Федерации сводятся к удержанию Казахстана в орбите евразийских интеграций, предотвращению дрейфа Республики Казахстан в конкурирующие военно-политические коалиции и согласованию позиций по региональным угрозам. Реформы в ОДКБ поддерживаются постольку, поскольку не размывают лидерскую роль Российской Федерации [3, с. 1–224; 17, с. 54–56].

С 1 января 2024 г. Республика Казахстан осуществляет председательство в ОДКБ, предложив программу «системного укрепления сотрудничества»: расширение взаимодействия с ООН/ШОС/СНГ, совершенствование правовой базы оперативного развертывания сил, развитие подготовки кадров и миротворческого компонента. Назначение в 2023 г. представителя Республики Казахстан на пост Генерального секретаря ОДКБ институционально усилило роль Республики Казахстан в выработке повестки. Вместе с тем ротационный характер руководящих позиций вносит дискретность в политическое управление: устойчивость реформ зависит от преемственности при последующих председательствах. Эффективность ОДКБ подвергается проверке асимметричными кризисами и неоднородностью восприятия угроз. Оперативность развертывания сил в Республике Казахстан контрастировала с ограниченной реакцией Организации на армяно-азербайджанский конфликт, что выявило издержки консенсусной модели и пробелы мандата (в том числе по внутрисоюзовым конфликтам) [14, с. 23–35; 19, с. 1–50].

В ответ Республика Казахстан продвигает углубление готовности Коллективных сил оперативного реагирования, уточнение оснований и процедур применения, создание узкоспециализированных механизмов (кибербезопасность, кризисное реагирование). Нормативные ограничения (запрет на вступление в иные военные союзы) продолжают «держать рамку», но не закрывают всех казусов интерпретации обязательств. Возможные изменения в составе (выход/вход отдельных участников) к 2030 г. способны сдвинуть баланс ролей Российской Федерации и Республики Казахстан и ценность альянса как такового.

⁵ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан от 25 мая 1992 г. // Постановление Верховного Совета РФ. 1992. № 3319-1. Ст. 1–40.

Таблица 3

**Сценарии развития отношений в рамках ОДКБ до 2030 г.:
сравнительная матрица (составлено автором)**

Параметр	Сценарий 1: интеграционно-консолидирующий	Сценарий 2: умеренно-эволюционный (<i>status quo</i>)	Сценарий 3: дивергентно-критический
Политическое сотрудничество	Глубокая синхронизация позиций; «единый фронт» в международных институтах; минимизация разногласий; возможные новые координационные форматы	Конструктивный диалог при сохранении автономии Астаны по «чувствительным» вопросам; ОДКБ — ключевой, но не единственный инструмент; многовекторность без подрыва союза	Наращающая дистанция; нейтралитет/критика по отдельным линиям; риск «заморозки» участия в ОДКБ в острых эпизодах; эрозия доверия
Экономическая взаимозависимость	Углубление кооперации; торговля } \$30–35 млрд к концу десятилетия; новые совместные проекты; частичная нейтрализация санкционных рисков параллельными цепочками	Сохранение высоких объемов (\$25–30 млрд) с постепенной диверсификацией Республики Казахстан; значимое присутствие компаний Российской Федерации при росте доли ЕС/КНР; инфраструктурная «смешанная» логистика	Снижение удельного веса Российской Федерации во внешней торговле Республики Казахстан; переориентация маршрутов и расчетов; конкуренция за инвестиции; возможные торговые трения
Институциональное взаимодействие в ОДКБ	Реформирование и консолидация: частые учения, быстрые процедуры, расширенный мандат КСОР; снятие внутрисоюзных противоречий	Эволюция без «прорывов»: рабочие форматы сохраняются; точечные нововведения (взаимодействие с ООН/ШОС, спеццентры); эффективность зависит от консенсуса	Институциональная эрозия: сокращение активности, блокирование решений, возможные выходы участников; ОДКБ теряет функциональность
Нормативно-правовая основа и ценности	Высокая согласованность трактовок; усиление обязательств взаимопомощи; сглаживание разнотечений	Умеренная согласованность при сохранении различий (территориальная целостность, приоритет Устава ООН); обновление без радикализации	Нормативный разнобой и публичные расхождения; селективное исполнение обязательств; подрыв договорной базы
Вероятность/последствия	Низкая вероятность, но высокий интеграционный эффект для ОДКБ при благоприятной среде	Наиболее вероятная траектория: «стабильно-инерционная» адаптация альянса	Умеренная вероятность при ухудшении внешней среды

Сопоставление трендов указывает на преобладание умеренно-эволюционной траектории до 2030 г. Экономическая взаимозависимость выступает системным «демпфером» политических рисков; Республика Казахстан демонстрирует заинтересованность в институциональном улучшении ОДКБ (миротворчество, взаимодействие с международными организациями), а Российская Федерация — в сохранении Республики Казахстан как ключевого союзника на южном направлении. Базовый результат — континуитет альянса с постепенной настройкой механизмов (процедуры, специализированные центры, совместное планирование) без качественного скачка в сторону жесткой наднациональности. Для Республики Казахстан это означает поддержание гарантий безопасности при сохранении внешнеэкономической гибкости; для Российской Федерации — удержание опорного партнера и подтверждение функциональной состоятельности евразийских институтов в условиях внешнего давления. Ключевым условием реализации такого сценария остается управляемость нормативных расхождений и поддержание рабочего консенсуса по основным угрозам и задачам коллективной безопасности⁶.

⁶ Декларация между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие, 1998.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ нормативно-правовых документов и институциональной деятельности ОДКБ в условиях санкционного давления с 2014 года свидетельствует о том, что организация во многом утратила присущие ей ранее черты активного интеграционного субъекта, фактически трансформировавшись преимущественно в механизм управляемой стабилизации с ограниченным потенциалом стратегической проекции [7, с. 1–648]. Документально-процедурная активность ОДКБ в постсанкционный период носит главным образом воспроизводящий характер: принимаются декларации и заявления, поддерживающие формальное институциональное присутствие (отражая официальную политико-правовую риторику о союзной сплоченности и устойчивости), однако качественного расширения функций и запуска новых интеграционных инициатив не наблюдается [1, с. 26–39].

Руководство Российской Федерации в условиях санкционного давления рассматривает ОДКБ как ключевую платформу для демонстрации союзной сплоченности и в официальных заявлениях призывает к укреплению координации. На практике же Республика Казахстан придерживается осторожной линии: она формально выполняет союзнические обязательства, но минимизирует фактическую вовлеченность в коллективные инициативы ОДКБ, стараясь не допустить риска попадания под вторичные санкции [2, с. 1–131]. Таким образом, сложилась модель «адаптивного союзничества», в рамках которой руководство Республики Казахстан сохраняет лояльность базовым договоренностям и нейтральную дипломатическую риторику, однако избегает шагов, способных привести к прямой конfrontации с западными государствами [3, с. 1–224].

На фоне санкционного давления двусторонние экономические показатели свидетельствуют об адаптивности сотрудничества: взаимный товарооборот Российской Федерации и Республики Казахстан не только не сократился, но и достиг рекордных значений (около 27 млрд долл. США по итогам 2022 года), отражая перенаправление торговых потоков в обход ограничений [6, с. 1–376]. Однако усиление экономического взаимодействия не сопровождалось наращиванием военно-политической интеграции. Показательно, что председательство Республики Казахстан в ОДКБ в 2024 году прошло без выдвижения новых интеграционных проектов: акцент был сделан на поддержании стабильности и политики сдерживания. Этот факт институционально закрепил дрейф организации от модели стратегического альянса к формату ограниченной координации, ориентированной преимущественно на сохранение статус-кво [8, с. 1–123].

Анализ факторов устойчивости показывает, что минимальная связность внутри ОДКБ поддерживается за счет «низкоэнергетических» механизмов. Государства-участники демонстрируют процедурную лояльность (выполнение базовых обязательств, участие в протокольных мероприятиях) и придерживаются нейтральной риторики, избегая действий, чреватых политическими рисками. Одновременно внешнеполитическая моновекторность Республики Казахстан и сама конфигурация международного давления объективно ведут к дальнейшему расхождению стратегических интересов членов союза и ослаблению плотности их практического взаимодействия [11, с. 19–30].

Для оценки перспектив российско-казахстанского взаимодействия в рамках ОДКБ был проведен сценарный анализ на период до 2030 года. Его результаты указывают, что при сохранении нынешних тенденций наиболее вероятен инерционный сценарий продолжения статус-кво: организация сохранит свое существование как номинальный механизм коллективной безопасности с ограниченной эффективностью.

ОДКБ, вероятно, останется формальной платформой, обеспечивающей базовое военно-политическое прикрытие, однако без качественного углубления интеграции. Республика Казахстан, согласно данному сценарию, продолжит балансировать между выполнением

союзных обязательств и защитой национальных интересов, избегая втягивания в прямую конфронтацию с Западом. Иными словами, к 2030 году российско-казахстанское сотрудничество внутри ОДКБ будет носить преимущественно прагматический и ограниченный характер, не переходя на уровень полноценного стратегического альянса.

Текущее состояние организации и прогнозируемая траектория ее развития указывают на назревшую необходимость пересмотра концептуальной модели коллективной безопасности.

Литература:

1. Агеев А. И. Эффективность единой агропромышленной политики ЕАЭС — залог успеха / А. И. Агеев, О. А. Золотарева // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. № 18(3). С. 26–39.
2. Анисимов И. О. Право и институты евразийской интеграции: учебное пособие для вузов / И. О. Анисимов, С. В. Комендантov. М.: Юрайт, 2024. 131 с.
3. Винокуров Е. Ю. Евразийская континентальная интеграция / Е. Ю. Винокуров, А. М. Либман. СПб., 2012. 224 с.
4. Довгань Е. Ф. Организация Договора о коллективной безопасности (2002–2009 гг.) / Е. Ф. Довгань, А. А. Розанов; Женевский центр по демократич. контролю над вооруж. силами, Обществ. объединение «Центр изучения внешней политики и безопасности». Минск: Ковчег, 2010. 137 с.
5. Додонов В. Ю. Экономическое сотрудничество Казахстана и России в условиях санкционного давления: основные итоги 2022 года // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 2. С. 90–95.
6. Евразия: от идеи — к интеграции: [Альбом]. М.: ЕЭК, 2015. 376 с.
7. Евразийская экономическая интеграция: теория и практика: учебное пособие. М.: Проспект, 2023. 648 с.
8. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т. В. Бордачев, К. О. Вишневский, М. К. Глазатова и др.; отв. ред. Т. А. Мешкова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 123 с.
9. Егорченков Д. А. Санкции как инструмент принуждения суверенных государств: идеологический аспект / Д. А. Егорченков, Н. С. Данюк // Вестник Финансового университета. 2018. № 8 (6). С. 49–57.
10. Ибрагимов А. Г. О. ЕАЭС: проблемы и перспективы // Постсоветские исследования. 2021. № 8. С. 756–763.
11. История евразийской интеграции: 1991–2016 / Глава 1. Центр интеграционных исследований. СПб., 2017. С. 19–30.
12. Каширина Т. В. Организация Договора о коллективной безопасности и ее деятельность в военно-политической сфере: монография / Т. В. Каширина, Д. Т. Турлыбаева. М.: Дашков и К°, 2023. 268 с.
13. Лещенюк О. Н. Укрепление региональной системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ // Современная Европа. 2022. № 3. С. 145–156.
14. Малышев Д. В. Содружество независимых государств: пространственно-организационная динамика // Анализ и прогноз. 2021. № 3. С. 23–35.
15. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Изд. 2-е, перераб. и доп. / [сост. И. Н. Тимофеев, В. А. Морозов, Ю. С. Тимофеева]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020. 452 с.

16. Президент Нурсултан Назарбаев. Стратегия вечной дружбы. Казахстан – Россия / ред. Т. А. Мансуров. М.: Новости, 2010. 539 с.
17. Русакович А. В. Роль ОДКБ в укреплении региональной безопасности // Евразия. Эксперт. Вып. 2. 2021. С. 54–56.
18. Сагиндиков Р. Е. Казахстанско-российские дипломатические отношения: состояние и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. № 3. С. 140–147.
19. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам-членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях / под. ред. И. Н. Панарина, А. А. Казанцева. М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. 50 с.
20. Шогенова Д. Х. Угрозы экономической безопасности России в условиях санкций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 4-2(86). С. 234–238.

References:

1. Ageev, A. I., Zolotareva, O. A. (2024) The effectiveness of the unified agro-industrial policy of the EAEU is the key to success // *Eurasian integration: economics, law, politics*. No. 18(3). Pp. 26–39. (In Russ.)
2. Anisimov, I. O., Komendantov, S. V. (2024) Law and institutions of Eurasian integration: a textbook for universities. Moscow: Yurait. 131 p. (In Russ.)
3. Vinokurov, E. Yu., Libman, A. M. (2012) Eurasian continental integration. St. Petersburg. 224 p. (In Russ.)
4. Dovgan, E. F., Rozanov, A. A. (2010) Collective Security Treaty Organization (2002–2009) / The Center for Democratic Arms Control. by the forces of the Society. The Society “Center of Studies. externally. polities and Security”. Minsk: Ark. 137 p. (In Russ.)
5. Dodonov, V. Y. (2023) Economic cooperation between Kazakhstan and Russia under the conditions of sanctions pressure: the main results of 2022 // *Russia: trends and prospects of development*. No. 2. Pp. 90–95. (In Russ.)
6. Eurasia: from idea to integration: [Album]. (2015) Moscow: EEC. 376 p.
7. Eurasian economic integration: theory and practice: a textbook. (2023) Moscow: Prospekt. 648 p.
8. Eurasian economic integration: development prospects and strategic objectives for Russia [Text]: dokl. to the XX Apr. international scientific conference on problems of economic and social development, Moscow, 9–12 Apr. 2019 / T. V. Bordachev, K. O. Vishnevsky, M. K. Glazatova, etc.; ed. by T. A. Meshkov; National research. Higher School of Economics Univ. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 123 p. (In Russ.)
9. Egorchenkov, D. A., Danyuk, N. S. (2018) Sanctions as an instrument of coercion of sovereign states: an ideological aspect // *Bulletin of the Financial University*. No. 8 (6). Pp. 49–57. (In Russ.)
10. Ibragimov, A. G. O. (2021) Of the EAEU: problems and prospects // *Post-Soviet studies*. No. 8. Pp. 756–763.
11. History of Eurasian integration: 1991–2016 / Chapter 1. Center for Integration Studies. St. Petersburg. 2017. Pp. 19–30.
12. Kashirina, T. V., Turlybaeva, D. T. (2023) Collective Security Treaty Organization and its activities in the military-political sphere: monograph. Moscow: Dashkov and Co. 268 p.
13. Leshenyuk, O. N. (2022) Strengthening the regional collective security system within the framework of the CSTO // *Modern Europe*. No. 3. Pp. 145–156.

14. Malyshev, D. V. (2021) Commonwealth of Independent States: spatial and organizational dynamics // *Analysis and forecast*. No. 3. Pp. 23–35. (In Russ.)
15. The policy of sanctions: goals, strategies, tools: a textbook. 2nd edition, revised and expanded / [comp. I. N. Timofeev, V. A. Morozov, Yu. S. Timofeeva]; Russian Council for International Affairs (INF). Moscow: NP INF, 2020. 452 p. (In Russ.)
16. President Nursultan Nazarbayev. The strategy of eternal friendship. Kazakhstan – Russia / ed. by T. A. Mansurov. Moscow: *Novosti*, 2010. 539 p.
17. Rusakovich, A. V. (2021) The role of the CSTO in strengthening regional security // *Eurasia. An expert*. Issue 2. Pp. 54–56. (In Russ.)
18. Sagindikov, R. E. (2020) Kazakh-Russian diplomatic relations: state and prospects // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: International Relations. No. 3. Pp. 140–147.
19. Panarin, I. N., Kazantsev, A. A. (eds) (2017) The threat of international terrorism and religious extremism to the CSTO member states in the Central Asian and Afghan directions. *CSTO Analytical Association; Institute of International Studies MGIMO MFA of Russia*. 50 p.
20. Shogenova, D. Kh. (2022) Threats to Russia's economic security under sanctions. *Economy and business: theory and practice*. No. 4-2 (86). Pp. 234–238.

Для цитирования / For citation:

Самохин И. Р. Последствия санкционной политики для российско-казахстанских отношений в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (2014 г. – н. в.) // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 4 (32). – С. 47–60.